

Чжун Цинлин и представить себе не могла, что имя «Ли Шэн» вызовет у Линь Сюэцэ хоть какой-то отклик.

Сначала она просто решила попробовать — на всякий случай. Но теперь, уловив в его взгляде едва заметную искру интереса, вдруг поняла: возможно, ей и правда удастся уговорить его.

Линь Сюэцэ открыл видео из ленты Ли Шэна. Ролик длился всего несколько секунд, но и этого оказалось достаточно, чтобы прочитать в нём почерк режиссёра.

Как и говорилось в оригинале романа, его стиль был ярко выраженным — дерзким, идущим по лезвию, почти эксцентричным. Гений, который выбирает обходные пути. Те, кто способен его понять, влюбляются в его работы без остатка. А тем, кому он не близок, остаётся лишь недоумённо пожимать плечами.

К счастью, Линь Сюэцэ оказался из первых.

Эта острая, доведённая до предела эстетика — то, чего в нём самом не хватало, но к чему он всегда тайно стремился. Она резала взгляд, но завораживала; холодная снаружи, она пылала изнутри.

Мысль о том, что ему предстоит работать с таким режиссёром, заставила его сердце дрогнуть — от предвкушения и лёгкой тревоги одновременно.

Пока Линь Сюэцэ смотрел видео, Чжун Цинлин наблюдала за ним.

Он не пытался скрыть своего восхищения. За считанные минуты он пролистал все ролики Ли Шэна, взгляд его становился всё внимательнее, всё глубже.

Уловив выражение его лица, Чжун Цинлин улыбнулась:

— Сюэцэ, ну что?

— Тогда... буду признателен, если вы возьмёте это на себя, — он повернулся к ней, чуть смущённо улыбнувшись.

Услышав это, Чжун Цинлин заметно оживилась. Намёк на согласие означал, что сотрудничество почти в кармане.

— Отлично. Я всё организую. На днях вы встретитесь, обсудите детали. Если всё устроит — подпишем контракт, и можно будет входить в проект.

Линь Сюэцэ кивнул.

Он пришёл просто поговорить — а в итоге получил новую работу. И Чжун Цинлин, и Линь Сюэцэ, и У Гуй — все трое были искренне воодушевлены.

Но если здесь атмосфера была тёплой и почти беззаботной, то в доме семьи Линь, на другом конце города, царил совершенно иная тишина.

Гости разошлись. Декорации и стулья с площадки перед особняком уже убрали сотрудники. Дом вернулся к привычному облику.

И всё же воздух внутри был ледяным.

Линь Гохуа, Чжэн Мэйлин и Линь Цинтянь сидели на диване, каждый уткнувшись в экран телефона. Лица их были тяжёлыми, напряжёнными.

После того как днём имя Линь Сюэцэ ворвалось в топ поисковых запросов, аккаунт «Это ZY, а не CY» выложил видео из его детства. Кадры со съёмочной площадки оказались настолько рискованными и пугающими, что в сети тут же разразился настоящий скандал.

Некоторые случайные зрители, возможно, и не слишком интересовались тем, кто такой Линь Сюэцэ, но вот закулисы шоу-бизнеса всегда вызывало у публики живое любопытство.

Это видео стало для многих откровением — впервые люди увидели, насколько изнурительной и жестокой могла быть жизнь детской звезды.

Отношение Чжэн Мэйлин к Линь Сюэцэ оказалось таким, что даже посторонние не могли смотреть на это спокойно. Поэтому ролик упрямо держался в топе и не собирался покидать горячие запросы.

Следствием стало бурное обсуждение эксплуатации детей в индустрии развлечений.

Сотрудники съёмочной группы тех лет, услышав о скандале, один за другим начали приносить извинения.

Особенно режиссёр — он опубликовал длинное, подробное и, на первый взгляд, искреннее покаянное письмо.

Сначала на всю команду обрушился шквал критики — в сети их буквально разносили в клочья. Но когда извинения были принесены, а пользователи учли ограничения и нравы того времени, да ещё и увидели столь смиренный тон, ругать стало как-то неловко.

Если нельзя больше громить съёмочную группу, то самым удобным объектом для атаки оставалась Чжэн Мэйлин.

Когда все гости покинули дом Линь, Линь Гохуа и Линь Цинтянь в панике принялись ставить Чжэн Мэйлин перед камерой — срочно записывать видео с извинениями.

Чтобы как можно быстрее унять гнев пользователей и продемонстрировать «максимальную искренность», они даже заплатили профессиональной команде за консультацию.

Рекомендации были предельно конкретными.

Фон — максимально простой. Лучше всего — голая белая стена, без намёка на роскошь.

Одежда — чёрная или белая, без логотипов и брендов. Никаких пёстрых узоров, чтобы не раздражать глаз.

Волосы аккуратно убраны. Макияж — минимальный или вовсе отсутствует. Чем более измученной и осунувшейся она будет выглядеть, тем лучше...

Чжэн Мэйлин послушно выполнила все советы. Она записала видео — бледная, с потухшим

взглядом, с надломленным голосом — и «искренне» поведала, что восемнадцать лет воспитывала чужого сына, а сама, по сути, тоже стала жертвой.

Затем они зарегистрировали для неё аккаунт на Weibo и выложили запись.

Они были уверены: столь тщательно продуманное покаяние хотя бы частично успокоит публику.

Но результат оказался прямо противоположным.

Видео не сработало вовсе.

Комментарии под постом росли с пугающей скоростью:

«А раньше-то где вы были? Прошло больше десяти лет — и только сейчас вспомнили, что надо извиниться?»

«Ребята, не тратьте время. Я потратила две минуты — теперь тошнит. Лучше бы шашлыка сходила поела.»

«Это извинение... воняет. Хватит уже разыгрывать драму.»

«Это у меня проблемы с восприятием? Пересмотрела три раза — ни одного искреннего “простите” не услышала. Только переключивание вины и оправдания.»

«События десятилетней давности — и вот сейчас, наконец, изволили извиниться. Вот это оперативность.»

«Линь Сюэцэ всего лишь подвергался издевательствам, а она — ах, бедняжка — пострадала от травли в сети, юбилей испорчен, бизнес страдает... как жалко-то.»

«Может, уже побыстрее в участок отправитесь?»

«Говорят, лицо отражает душу — глядя на эту семейку, начинаю верить. Страшные люди.»

.....

Это были настоящие, живые комментарии. Не мутная ругань ботов и нанятых троллей, а слова обычных людей — резкие, но искренние.

И именно это злило Чжэн Мэйлин сильнее всего.

Особенно когда кто-то перешёл к обсуждению её внешности. Скриншоты её лица начали разбирать по косточкам, анализировать черты, строить «физиогномические» выводы. В итоге интернет-эксперты вынесли приговор: плохая костная структура, увядающая кожа, неблагоприятная судьба, врождённая неудачливость.

Мол, она прибегла к нечистым методам, чтобы ненадолго взобраться на вершину — получить

статус и деньги. Но вскоре её настигнет куда более страшная расплата...

Для женщины средних лет, к тому же следящей за собой, есть два табу: во-первых, не выносить намёков на возраст; во-вторых, не терпеть разговоров о «плохой судьбе».

А здесь ей в лицо швырнули и то и другое сразу.

Чжэн Мэйлин ощутила, будто на неё вылили ушат грязной воды. Её пальцы судорожно сжались — она едва удержалась, чтобы не швырнуть телефон об пол.

— Говорили же, что если записать извинение без макияжа, пользователи поверят! Почему всё так?! — вспыхнула она.

Линь Гохуа в это время даже не смотрел комментарии под её постом. Он судорожно искал в сети всё, что связано с его юбилейным банкетом.

По его замыслу, после сегодняшнего торжества семья Линей должна была блистать. В сеть планировали выложить фотографии — роскошные, выдержанные, демонстрирующие статус и достаток.

И что в итоге?

Мало того что их обложили отборной бранью, так ещё и кто-то выложил его неудачные, случайные снимки.

Линь Гохуа был обычным мужчиной средних лет — слегка располневшим, с округлившимся животом, не особенно следящим за осанкой. Даже постановочные фото требовали серьёзной ретуши — что уж говорить о случайных кадрах.

На снимках перед глазами был совсем другой человек: жирноватый, с лоснящимся лицом, сутулый, втянувший шею в плечи, с мутным, липким взглядом.

Линь Гохуа побагровел от ярости.

Сегодня был его пятидесятилетний юбилей. Его праздник. Он — именинник!

Как мир посмел так с ним обойтись?

Пока Чжэн Мэйлин кипела от злости, а Линь Гохуа едва ли не причитал от обиды, только Линь Цинтянь сидел молча, с каменным лицом.

За этот день он уже успел получить свою порцию публичного «воспитания». Он прекрасно понимал, что в сети о них не скажут ничего хорошего, и потому просто перестал туда заходить.

Если не читать — словно этого и не существует.

Никто не будет тыкать пальцем в лицо, не будет жужжать над ухом. По крайней мере, в собственном доме можно сохранить иллюзию тишины.

Видя, что родители на грани, Линь Цинтянь наконец произнёс:

— Пап, мам, хватит смотреть. В интернете всё вспыхивает быстро, но и гаснет быстро. Мы же не звёзды шоу-бизнеса, никто не будет помнить нас вечно. Пусть сейчас обсуждают, а через пару дней появится новая тема — и про нас забудут.

— Как это забудут? — вспыхнул Линь Гохуа. — Мы так опозорились, лицо потеряли! Я теперь год из дома не выйду. Да что там год — мне всю жизнь стыдно будет людям в глаза смотреть...

Чжэн Мэйлин отбросила телефон в сторону и, сжав пальцами переносицу, заставила себя немного успокоиться.

— Прошое уже не вернуть, — медленно сказала она. — Я могу не оглядываться назад. Но проблема в другом. После всего этого пострадала не только наша репутация. Убытки компании — колоссальные. И кто знает, какие ещё последствия нас ждут...

Семья Линей считалась богатой — но лишь по меркам обычных людей.

Появиться на глазах у всей страны и быть осмеянными десятками тысяч людей... даже У Гуй такого бы не выдержал.

Именно поэтому изначально они и хотели использовать этот ядовитый приём против него.

Кто же знал, что брошенный бумеранг вернётся — и вонзится им же в спину.

При этой мысли у Чжэн Мэйлин снова заломило виски.

— Мы ведь рассчитывали, что этот юбилей поможет нашей семье подняться ещё выше, — с досадой произнесла она. — А в итоге все сливки снял этот У Гуй.

Линь Цинтянь холодно усмехнулся:

— Им просто повезло. Но их удача — ненадолго. Внутренних проблем у них куда больше, чем у нас.

В его тоне прозвучала такая уверенность, что Чжэн Мэйлин насторожилась и подняла на сына взгляд.

— Ты что-то знаешь о семье У? — спросила она.

Линь Цинтянь спокойно продолжил:

— Папа, мама, сегодня на банкет У Гуй привёл только Линь Сюэцэ. Больше никого, верно?

— Верно... И что? — нахмурилась Чжэн Мэйлин.

— А вот что самое интересное, — усмехнулся он. — Я у вас единственный сын, поэтому у нас нет этих типичных разборок за наследство. Но У Гуй — совсем другое дело. У него ведь две дочери.

— Две? — Чжэн Мэйлин растерялась, лишь теперь припоминая, что действительно слышала об этом.

У Гуй с подросткового возраста крутился в бизнесе. Сейчас ему почти пятьдесят. Внешностью он не блистал, зато умение зарабатывать деньги у него было безупречным.

За эти годы немало людей пытались к нему подступиться.

Сначала он уклонялся, потом попросту объявил, что у него уже есть две дочери.

Они всё это время жили за границей и никогда не появлялись на публике.

Если прикинуть, по возрасту они примерно ровесницы Линь Сюэцэ.

— Старый хитрец, — хмыкнул Линь Гохуа. — Трое детей почти одного возраста: и сын, и дочери... везде успел отметиться. Вот это размах.

Сказав это, он вдруг почувствовал холодок. Подняв глаза, он наткнулся на ледяной взгляд Чжэн Мэйлин.

После рождения Линь Цинтяня она подорвала здоровье и решила больше не рожать. К тому же господин Цзинпин когда-то сказал, что у сына особая судьба, и наличие братьев или сестёр ему лишь повредит. Поэтому в семье Линь все эти годы был только один ребёнок.

Линь Гохуа никогда вслух не жаловался, но в глубине души сожалел.

Как ни крути, большинство мужчин хотят больше детей: рожать не им, рисковать здоровьем не им, зато получить многочисленное потомство — пожалуйста. Кто откажется от такой выгоды?

Но формальной главой семьи давно стала Чжэн Мэйлин. Под её взглядом Линь Гохуа тут же убрал с лица тень зависти и благоразумно замолчал.

Линь Цинтянь продолжил:

— Трое детей, почти ровесники. Сёстры выросли вместе — это одно. А Линь Сюэцэ вырос в нашем доме. И вдруг У Гуй находит его, возвращает и сразу объявляет наследником. Как думаете, его дочери не начнут задумываться?

Чжэн Мэйлин внимательно посмотрела на сына:

— Ты что, общался с дочерьми У Гуя?

Когда разговор заходил о женщинах, Линь Цинтянь чувствовал себя как рыба в воде.

Он слегка улыбнулся:

— Я уже познакомился со старшей дочерью У Гуя — У Сяо Хай.

Глаза Линь Гохуа расширились от изумления.

— Дочери У Гуя всегда держались в тени, о них ни слуху ни духу. А ты, оказывается, тихим сапом уже познакомился с одной? Сынок, да ты шустрый!

Линь Цинтянь, услышав одобрение, довольно приподнял уголки губ:

— Она очень простая. Чистая, открытая, искренняя. Как раз в моём вкусе.

— И что ты собираешься делать дальше? — понизил голос Линь Гохуа.

— У семьи У такие деньги. Разве можно позволить, чтобы всё это досталось Линь Сюэцэ — человеку с туманным происхождением? — холодно произнёс Линь Цинтянь. — Сяо Хай — родная дочь У Гуя. Именно она должна унаследовать его состояние. Если я женюсь на ней, семьи Линь и У объединятся...

Линь Гохуа мгновенно уловил смысл и расплылся в улыбке:

— Великолепно! Возьмёшь У Сяо Хай в жёны — пусть приведёт с собой семью У в качестве приданого и войдёт в наш дом. А дети будут носить нашу фамилию. Каким бы хитрым ни был У Гуй, в конце концов он будет работать на будущее моего внука!

В другое время Чжэн Мэйлин, вероятно, тоже уже строила бы радужные планы.

Но пережитый сегодня удар по самолюбию оставил в душе неприятный осадок.

Да, у Линь Цинтяня есть способности. Но он всё ещё слишком молод. Стоит перестараться — и всё может обернуться против них.

А расплачиваться будет вся семья.

— Ты уверен? — осторожно спросила она. — У Гуй — не простой противник.

Линь Цинтянь посмотрел на мать и самоуверенно улыбнулся:

— Мам, за всё поручиться не могу. Но в делах с девушками я ещё ни разу не проигрывал.

Чжэн Мэйлин невольно вспомнила его прошлые «подвиги».

Сын доставлял хлопоты с детского сада: собирал вокруг себя компанию, заводил связи... А с девочками начал знакомиться ещё до того, как толком повзрослел.

В том самом видео, выложенном аккаунтом «Это ZY, а не CY», когда она не обращала внимания на Линь Сюэцэ, пользователи оказались недалеко от истины: тогда ей действительно звонил учитель — сообщить, что Линь Цинтянь умудрился завести почти десяток «подружек» в одном классе.

И что удивительно — с тех пор поток девушек рядом с ним не иссякал ни на день.

Все знали, что он ветреный и легкомысленный, но всё равно шли к нему сами.

За эти годы бывало, что он бросал девушек. Но не было ни одной, которую он бы захотел — и не смог получить.

При этой мысли Чжэн Мэйлин немного успокоилась.

— Тогда попробуй, — тихо сказала она.

Понимая, что мать всё ещё потрясена сегодняшними событиями, Линь Цинтянь смягчил тон:

— Мам, не переживай. Сегодня вам пришлось нелегко. Когда дочь У Гуя войдёт в наш дом,

пусть как следует услужит вам — и мы отыграемся за всё.

С этими словами он достал телефон, открыл переписку с Сяо Хай и отправил сообщение:

«Малышка, скучала по мне?»

<http://bllate.org/book/14966/1572928>